

Слова Ян Хунэра прозвучали спокойно и неторопливо, но Ван Сяюй вздрогнул всем телом и тут же сжал губы. Он только сейчас вспомнил, что, подойдя к ним, не заметил, что Ян Хунэр тоже здесь! А ведь Ян Хунэр — супруг Сюй Циншуй, и все в деревне Селю знали: если уж с кем и не стоит ссориться, так это с семьёй деревенского старосты.

А ведь совсем недавно он только что с пренебрежением бросил фразу про «копаться в земле всю жизнь» — выходит, он разом обозвал всю семью старосты?

А теперь, когда Ян Хунэр сам подошёл, кто знает — может, он действительно видел, что произошло. Ван Сяюй незаметно подвинулся на пару цуней в сторону, изо всех сил стараясь не выделяться.

Услышав слова Ян Хунэра, Юй Шанчжи и Вэнь Ецай поспешно ответили:

— Спасибо, брат Циншуй, мы сейчас же подойдём.

Ян Хунэр кивнул, но не спешил уходить, а наклонился и взглянул на Ван Сяюя:

— Юй-гер, сыро, туманно, земля холодная — чего это ты сел прямо на дорогу? Вставай-ка побыстрее. Мы, горы, должны беречь себя — не топустишь влагу в тело, а потом и впрямь почувствуешь недомогание, придётся беспокоить Юй-ланчжуна.

Характер Ян Хунэра можно было описать четырьмя иероглифами — «иголка, спрятанная в хлопке»: за его вежливыми словами всегда скрывалось острое жало, и вот сейчас он явно поставил не в меру распутившегося Ван Сяюя на место. А смысл был более чем прозрачен: во-первых, ты сам упал, тебя никто не толкал; во-вторых, Юй Шанчжи — лекарь, и если уж не хочешь обращаться к нему потом, когда заболеешь, — сам решай, как тебе дальше быть.

Вэнь Ецай, увидев, что Ван Сяюй стушевался и наконец-то замолк, больше не стал тратить на него ни времени, ни сил. Он быстро вновь взвалил на плечи корзину, протянул руку, чтобы Юй Шанчжи мог на неё опереться, и ушел вместе с Ян Хунэром.

Повозка медленно катилась по дороге, и лишь когда отъехала довольно далеко, Ван Сяюй осмелился встать, весь в пыли, и злобно выпалить:

— Уродам только и остаётся, что пакостить! Посмотрим, как долго ты ещё сможешь важничать!

Он отряхнул с одежды пыль, схватил свою корзинку, развернулся, намереваясь догнать попутчиков. Но огляделся — ни слева, ни справа не осталось ни души.

— Отлично! Прекрасно! Вы все против меня?! Подождите! Вот выйду замуж за брата Тан Вэня — с каждым из вас разберусь!

Он стоял посреди дороги, сотрясаемый злостью, потом топнул ногой и, отбросив все мысли о поездке в уезд продавать платки и яйца, развернулся и потащился обратно домой, явно намереваясь жаловаться родным.

А тем временем, на дороге из деревни Селю в уезд Лянси, Вэнь Ецай искренне поблагодарил Ян Хунэра:

— Спасибо тебе, Циншуй-сао*.

(ПП: дословно «невестка, жена Циншуя»)

Ян Хунэр махнул рукой:

— Пустяки. Просто не выношу таких, как он. Не говоря уже о том, что брак еще не заключен, Тан Вэнь не добился известности, а он уже голову задирает. Даже если и состоится — человеком надо быть, а не забывать, откуда сам вышел.

Ян Хунэр хоть и не любил обсуждать других, но повадки Ван Сяюя были известны всем в деревне: стоило только им договориться о помолвке с тем ученым, как он тут же стал задирать нос и сеять раздоры.

Они оба не захотели дальше обсуждать эту тему и, сменив её, неожиданно обнаружили, что разговор ладится — слово за слово, и беседа пошла на удивление живо и дружелюбно.

А в это время, немного поодаль, Юй Шанчжи и Сюй Циншуй тоже не молчали. Поскольку Юй Шанчжи был врачом, Сюй Циншуй решил не упустить такую возможность и быстро перевёл разговор на нужную ему тему.

Сюй Циншуй повернулся к Юй Шанчжи и с ноткой надежды в голосе спросил:

— Юй-ланчжун, вот хочу разузнать: у моего Хунэра с тех пор, как он родил нашего старшего сына, завёлся один недуг — постоянные головные боли с одной стороны. Столько лет уж прошло, а в уездных медицинских залах ничего толком не нашли, одни горькие отвары и остались, толку с них чуть. Может, у вас найдётся средство?

Сзади послышался голос Ян Хунэра:

— Муж, опять ты Юй-ланчжуну докучаешь...

Он и сам прежде подумывал обратиться к Юй Шанчжи, чтобы тот посмотрел его головную боль, но после того как услышал от Вэнь Ецай, что Юй Шанчжи пока свои глаза лечит, решил не тревожить его раньше времени. Кто же знал, что стоит им только сесть в повозку, как муж

уже успел разболтать обо всём.

Юй Шанчжи, услышав это, с улыбкой поспешил ответить:

— Циншуй-сао, я врач, лечить людей — моё призвание, разве тут речь о докучливости? Как раз так совпало, что мы вместе едем. Если вы не против, что глаза мои пока не в порядке, я могу сейчас проверить вам пульс.

Ян Хунэр всё ещё колебался, но тут Вэнь Ецай лёгонько подтолкнул его плечом:

— Циншуй-сао, ты уж поверь на слово: я не хвастаюсь, но у Шанчжи хоть зрение пока не восстановилось, руки-то знают своё дело. Всё равно дорога дальняя — пусть посмотрит, а?

После таких уговоров Ян Хунэр, конечно, всё же протянул руку. Юй Шанчжи сосредоточился и начал прощупывать пульс, и тут же все трое вокруг будто затаили дыхание — боялись даже вздохнуть громко. К счастью, сам процесс занял не так уж много времени. Затем Юй Шанчжи задал ещё несколько уточняющих вопросов — про цвет губ, налёт на языке и прочее. Эти простые вещи Вэнь Ецай помог ему осмотреть и тут же доложил.

Выслушав всё, Юй Шанчжи слегка кивнул и спокойно произнёс:

— Циншуй-сао, судя по всему, когда вы рожали старшего сына, дело было весьма непростое и, можно сказать, даже опасное.

У Ян Хунэра в глазах мелькнуло изумление, а Сюй Циншуй, сидевший впереди, хлопнул себя по бедру и воскликнул:

— Да уж! Тогда я от страха чуть не умер, повитуха сказала, что до кровотечения рукой подать было, хорошо хоть всё обошлось!

Громоздкий мужик, вспоминая об этом, почесал в затылке:

— Не смейтесь, но я, как подумаю о том дне, до сих пор ознобом пробирает. А ты, Юй-ланчжун, всего-то пульс пощупал, а как будто всё глазами видел?

Юй Шанчжи чуть улыбнулся:

— Всего лишь логический вывод на основе симптомов. У Циншуй-сао пульс тонкий, губы бледны, налёт на языке плотный и белёсый — это всё классические признаки кровяного истощения. А раз вы сами сказали, что головные боли начались после родов, то всё указывает на то, что он потерял слишком много крови, и с тех пор организму не хватает крови и «ци» — жизненной энергии. А мозг как раз питается кровью, вот и возникают недомогания.

Видя, как он говорит складно и по делу, ничуть не уступая тем городским лекарям, что им доводилось встречать, супруги Сюй одновременно расплылись в улыбке — это доказывало, что у Юй Шанчжи действительно есть истинные знания и подлинное мастерство. Ян Хунэр подумал про себя: неудивительно, что свёкор так ценит Юй-ланчжуна — раз в деревне теперь есть такой хороший доктор, зачем ещё ходить десятки ли до города, чтобы показаться врачу?

Сюй Циншуй не забыл переспросить:

— Тогда, Юй-ланчжун, как же лечить эту болезнь?

Юй Шанчжи поразмыслил немного и сказал:

— Не скрою, у меня как раз есть один семейный рецепт, специально для лечения послеродовой кровопотери. Сейчас неудобно записывать, а раз уж мы с А-Е как раз идём в аптеку, можем сразу же приготовить лекарство и передать вам. Так будет удобно?

Сюй Циншуй так обрадовался, что не мог закрыть рот — только послушайте: семейный рецепт! Конечно, он куда лучше тех, что выписывают бесполезные городские лекари! Управляя телегой, он обернулся и взглянул на своего супруга — Ян Хунэр, как и ожидалось, тоже светился от радости.

Нужно понимать, что Юй Шанчжи ещё даже не начал вести приём, а им уже удалось воспользоваться случаем — всё только благодаря тому, что подвезли его. Где же тут не согласиться? Сюй Циншуй тут же сказал:

— Это было бы просто прекрасно. Тогда побеспокоим Юй-ланчжуна и Цай-гера, а лекарства и плату — как скажете, так и будет.

Он ещё подумал, что тогда и за дорогу брать с них не нужно — всего-то десять вэнь, даже на сдачу от лекарства не хватит, зато окажут Юй Шанчжи услугу, а если хорошенько подумать, то и в будущем всё равно самим будет выгоднее.

После такого начала четверым людям в дороге стало ещё легче и приятнее беседовать. Когда они добрались до города Лянси, условились о месте встречи и времени возвращения в деревню, после чего разошлись по своим делам.

Сегодня в городе был большой рынок. Юй Шанчжи последовал за Вэнь Ецаем, и, расплатившись с управляющим за место, выбрал уголок, где разложил добычу в ровную линию и принялся ждать покупателей.

Поскольку в этот раз Вэнь Ецай специально взял с собой Юй Шанчжи, он и подготовился особенно тщательно. Он, словно фокусник, вытащил из корзины бамбуковый табурет, раскрыл и поставил сбоку, затем помог Юй Шанчжи сесть. Оба они были высокие, стройные, с яркой

внешностью, и всё это вместе неизбежно привлекло внимание — соседка, торгующая утятами, прижав руки к груди, обратила на них взгляд.

Женщина была в годах, зрение у неё давно уже подводило — всё перед глазами было в тумане. К тому же сидели они от неё на почтительном расстоянии, так как ей было разглядеть родимое пятно гера под глазом у Вэнь Ецая?

Поэтому, как только она вдруг заговорила, это застало обоих врасплох.

— Эй, молоденький господин, — обратилась она, — неужто у твоего фулана недомогание? Гляди-ка, как ты о нем заботишься — прямо как мед с маслом*! Пожалуй, вы и вправду недавно поженились?

(ПП: мед с маслом - образное выражение, быть очень близкими, нежничать)

Эти слова торговки не только ошеломили Вэнь Ецая и Юй Шанчжи, но и повеселили нескольких ближайших торговцев. Молодая женщина, торговавшая зелёными финиками по правую руку от Вэнь Ецая, рассмеялась так, что чуть не согнулась пополам:

— Чунь-данян*, да у вас зрение всё хуже да хуже! До чего же вы бедную парочку в неловкость поставили!

(ПП: почтительное обращение к пожилой женщине)

Старуха, которую называли Чунь-данян, опешила, вытянула шею вперёд и прищурилась так, что глаза превратились в щёлки:

— А что я такого сказала? Разве не права? Посмотрите, какой славный этот молоденький фулан — красавец, просто загляденье! Интересно, из какой он деревни?

Женщина, прикрыв рот ладонью, со смешком покачала головой:

— Вы лучше посмотрите ещё раз хорошенько — где тут муж, а где фулан?

Сказав это, и сама взглянула в ту сторону, при этом подумала про себя: в самом деле, тут уж и впрямь грех винить старую Чунь-данян за то, что обозналась. Тот гер с родимым пятном под глазом был высокий, статный, с мужественными чертами — брови, как у дракона, глаза, как у феникса. А тот, кого он поддерживал, усаживая на табурет, был с лицом, будто покрытым белоснежной пудрой, изящный, словно из нефрита выточенный красавец. С первого взгляда и вправду можно было легко перепутать.

Вэнь Ецай уже не впервые сталкивался с подобным недоразумением и потому особого

значения не придал. Единственное, что задело его на этот раз, — это фраза «мед с маслом». Быть предметом шуточных замечаний при посторонних, да ещё когда те и впрямь ничего дурного не имели в виду, — от этого он вдруг растерялся и не нашёл, что сказать.

К счастью, теперь он был не один. Юй Шанчжи с лёгкой улыбкой заговорил сам, повернувшись к старушке Чунь-данянь:

— Данянь, это мой фулан Цай-гер, а я — его муж.

Сказав это, он и сам удивился — будто, озвучив вслух их отношения, почувствовал, что вполне может это принять.

«Мой фулан», «его муж»... Он несколько раз мысленно повторил эти слова, и они показались ему удивительно новыми и непривычными.

Чунь-данянь замерла от изумления, а когда дошло, прикрыла смущённое лицо руками и воскликнула:

— Ай, глядите-ка, совсем старая стала — совсем ум за разум заходит! Молодёжь, не держите зла на такую старуху, как я!

Недоразумение разрешилось, а раз уж судьба свела их вместе за прилавками, то, конечно, не обошлось без обмена парой фраз. Однако вскоре у каждого подошли покупатели, и разговор на том прервался.

Прошло с полчаса, за это время они продали двух дешёвых бамбуковых крыс — по шестьдесят вэнь за штуку, всего сто двадцать вэнь. Весеннюю капусту и побеги бамбука тоже раскупили наполовину. Такие товары в последнее время продавались у многих, и цены на них уже устоялись — даже если распродать всё, навар будет незначительным. Не более чем способ для трудолюбивых деревенских жителей использовать дары леса по сезону и немного подзаработать на хозяйство.

Затем наступила небольшая передышка — четверть часа без покупателей. Вэнь Ецай к таким вещам относился с терпением, взял камень и уселся рядом с Юй Шанчжи.

В ушах у Юй Шанчжи стоял пёстрый, живой шум незнакомого мира — городская суета, выкрики продавцов, словно пелена быта и ремесла. Мысли его были рассеяны, как вдруг ладонь ощутила прохладу: в руку легло что-то круглое и плотное.

— Я у соседки купил горсть зелёных фиников, — сказал Вэнь Ецай. — Попробуй, они сладкие и хрустящие.

Не успел договорить, как сам уже хрустнул — и один плод исчез в его животе. Юй Шанчжи

чуть поджал губы, затем тоже нащупал один финик, поднёс к губам и откусил — и вправду, сладкий и хрустящий.

* Китайские бамбуковые крысы, или «Чжу Шу» по-китайски, известны своими крупными размерами и толстыми щеками. Дикае виды грызунов, питающиеся бамбуком, могут весить до пяти килограммов и вырастать до 45 сантиметров в длину. Согласно традиционной китайской медицине, их мясо может очищать организм от токсинов и улучшать функции желудка и селезенки. Очевидная польза мяса этих крыс для здоровья отмечена в древней китайской медицинской энциклопедии Бен Цао Ган Му, написанной знаменитым фармакологом и врачом Ли Шичжэнь в XVI веке. Книга описывает этих животных как «грызунов размером с кролика, которых многие едят, и которые на вкус как утка».

<http://bllate.org/book/13600/1205936>